

Елена Арсеньева

История в назидание влюбленным (Элоиза и Абеляр, Франция)

Часть сборника
*Преступления страсти. Месть
за любовь (сборник)*

Елена Арсеньева
История в наизидание
влюбленным (Элоиза
и Абеляр, Франция)
Серия «Преступления
страсти. Месть за любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161603

Эксмо; Москва;

Аннотация

«В Париже, на Цветочной набережной, сразу за собором Нотр-Дам-де-Пари, стоит маленький домик, в котором когда-то жили служители собора. На одном из них можно увидеть надпись: «Здесь жили Элоиза с Абеляром. Искренние возлюбленные. Драгоценные образцы для подражания. Год 1118».

Хотелось бы знать, в чем увидел автор надписи «драгоценный образец для подражания»? В мучительной любви, которую некогда испытывали друг к другу эти двое? В той мести, жертвами которой стали они оба – да, оба, потому что неизвестно, чьи страдания были горше: изувеченного Абеляра или покинутой Элоизы, к которой он совершенно охладел?

Впрочем, начнем сначала...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Елена Арсеньева

История в наизидание

влюбленным

(Элоиза и Абеляр,

Франция)

В Париже, на Цветочной набережной, сразу за собором Нотр-Дам-де-Пари, стоит маленький домик, в котором когда-то жили служители собора. На одном из них можно увидеть надпись: «Здесь жили Элоиза с Абеляром. Искренние возлюбленные. Драгоценные образцы для подражания. Год 1118».

Хотелось бы знать, в чем увидел автор надписи «драгоценный образец для подражания»? В мучительной любви, которую некогда испытывали друг к другу эти двое? В той мести, жертвами которой стали они оба – да, оба, потому что неизвестно, чьи страдания были горше: изувеченного Абеляра или покинутой Элоизы, к которой он совершенно охладел?

Впрочем, начнем сначала...

Двадцатилетний красавец Пьер Абеляр прибыл в 1108 году в Париж, чтобы покорить его «силой своего разума». Самый разгар знаменитых крестовых походов, куда так и рину-

лась за Божьей славой – и вполне мирской, конечно! – вся тогдашняя молодежь, как происхождения самого благородного, так и не вполне. Однако военная стезя не влекла Абеяра, свое бешеное честолюбие он намеревался утолить другим путем.

Собственно, из Нанта он явился в столицу Французского королевства уже известным богословом. Всю свою жизнь провел, переходя из одних школ и монастырей в другие, почему и был прозван «Палатинским перипатетиком»¹, странствующим ученым-богословом. У него были великие учителя логики и диалектики – Росцелин из Лоше (представитель номинализма) и Гильом из Шампо (представитель реализма), который возглавлял школу при соборе Нотр-Дам в Париже. Но у Абеяра был свой метод, впоследствии доведенный до совершенства в сочинении «Да и Нет» («Sic et Non») и дававший ему огромное преимущество в спорах, поэтому он был не столько учеником своих учителей, сколько их соперником². Так что, когда он появился в Париже, у него уже

¹ Перипатетик (*греч.* peripatetikos, букв. «прогуливающийся») – ученик и последователь греческого философа Аристотеля. Слово возникло на основе предания о том, что Аристотель преподавал своим ученикам философию во время прогулок. Римские перипатетики соединялись в четыре школы, одна из них называлась Палатинской, поскольку находилась на Палатинском холме – на нем был некогда основан Рим.

² Реалисты полагали, что истинной реальностью обладают лишь прообразы всех вещей – так называемые универсалии. Номинализм соперничал с реализмом. Номиналисты признавали реальными лишь единичные вещи, не отделимые от их имен (по-латыни имя – *nomen*). Выступая против так называемого ради-

было имя.

Вообще-то он мечтал занять место учителя, возглавив соборную школу Нотр-Дам, однако для начала пришлось удовольствоваться преподаванием в собственной школе на горе Св. Женеьевы (к слову сказать, вокруг именно этой его школы впоследствии сформировался Парижский университет). Абеляр стал знаменитым в Париже теологом, хотя, как говорили мудрые, а не только ученые, люди, неосмотрительность и дерзость некоторых его формулировок восстановили против него церковные круги и сделали его уязвимым для обвинений в ереси.

Но пока дела шли удачно. В 1113 году он добился, чего хотел, и все же возглавил соборную школу Нотр-Дам, хотя и не имел еще священнического сана.

Париж в ту пору был крохотным городком, расположенным посреди Сены, на острове Сите. Один мост связывал островок с правым берегом, за которым простирались поля, другой вел на левый берег. Тут тянулся квартал, где главенствовал латинский язык и проживало несколько тысяч студентов со всех концов Европы, город уже в ту пору являлся духовным центром цивилизованного мира. А место позднее так и назовут – Латинский квартал.

кального реализма, Абеляр не принял и номинализма. Его методом было то, что позднее назвали концептуализмом (от *лат.* *conceptus* – «понятие»). Понятие есть мостик, соединяющий сущность и существование, имя и вещь. Путь к познанию истины, неизменной сущности вещей, в представлении Абеяра, – это путь разума, соединенного с откровением.

В небольшом городе все были на виду, все знали друг друга, точно в большой деревне. Слава Абеяра вышла за пределы его школы, его приходили послушать не только студиясы, но и горожане, а также и жены. Многие женщины, между прочим, тянулись к знаниям, а посмотреть на молодого, красивого священника, послушать его высокоученые речи – такое наслаждение для взоров и слуха. И не одна из дам и девиц, являвшихся послушать Абеяра, думала тогда: ну какая жалость, что он – священник, для которого закрыт доступ в мир радостей земных.

Но уж таковы были законы жизни! Принимать духовный сан (и, следовательно, целибат – обет безбрачия) были обязаны все преподаватели средневековых университетов. Согрешивших лишали сана, и на том заканчивалась их карьера.

К слову сказать, обязательный духовный сан для университетского профессора был обычным явлением вплоть до начала XX века. Таким «духовным профессором» был Чарльз Додсон (Льюис Кэрролл). В основу его сказок об Алисе в Стране Чудес и Зазеркалье легла неразделенная любовь автора к реально существовавшей девушке по имени Алиса. Профессор не мог связать с Алисой свою судьбу (не позволял духовный сан), однако их дружба продлилась до самой смерти писателя.

Но вернемся в Париж XII века.

Элоиза потом так напишет об этом времени:

«Когда ты выступал публично, разве не все бежали сломя

голову послушать твою речь, не вытягивали шею, стараясь хоть краешком глаза увидеть тебя, и разве не все восторженно провожали тебя глазами? Каждая девица и замужняя дама мечтала о тебе, и сердце их пылало от страсти, когда ты проходил рядом; королевы и герцогини желали разделить с тобой ложе...»

Абеляр не слишком-то обращал на свою популярность внимание и был совершенно поглощен делами школы. Он получал хорошие деньги и стал богат. Красивый, богатый, знаменитый, он был чрезвычайно доволен собой. Ко всему прочему миру, особенно к женщинам, он относился весьма высокомерно и полагал, что только слабые духом клирики могут испытывать нужду в них, легкомысленных созданиях.

Однако Господь наш любит испытывать самонадеянных детей своих... Абеляру было тридцать восемь лет, когда он влюбился в одно из таких легкомысленных созданий.

Потом, много позднее, ввергнутый в пучины отчаяния и всеми силами пытаюсь излечить исстрадавшееся самолюбие, он станет уверять, будто сам, собственной волею, решил отведать радостей мирской жизни. Все люди должны заплатить дань любви, ну, заплатит дань и он... Но тот, кто добровольно идет своим путем, волен в любую минуту свернуть с него. Абеляр же был невольником судьбы – он не только не смог свернуть с выбранного пути, но и окончательно заблудился в дремучей чаще чувств. Разум не помог ему устоять и спастись от безумной – да, поистине безумной! – страсти к Эло-

изе, семнадцатилетней воспитаннице и приемной дочери каноника Фульбера.

Она была красавица. Правда, сам Абеляр в свои печальные последующие года даст ей весьма скупую характеристику: «С физической стороны она была неплохо сложена», – но вряд ли столь избалованный и самовлюбленный мужчина потерял бы голову от всего лишь «неплохо сложенной» девицы.

Между прочим, ходили слухи, будто Элоиза – родная, а вовсе не приемная дочь Фульбера, которую родила ему некая знатная дама, умершая, производя на свет прелестную девочку. Поэтому он не мог бросить ребенка, но не мог и дать ей своего имени. Внешние приличия, впрочем, были соблюдены, девушка росла под присмотром почтенного человека и благодаря соседству с богословом была начитанной, образованной – знала латинский, греческий и древнееврейский языки, римских классиков, особенно почитала Овидия, его «Искусство любви» и «Метаморфозы», – и не по летам (и не по полу, как скажут некоторые ворчливые женофобы!) умной и разумной.

Однако женский ум и разум еще менее, чем мужской, способен противостоять велениям сердца...

Абеляр увидел Элоизу на одной из своих проповедей и понял, что жизнь ему будет не в жизнь, если он не соблазнит ее. Обстоятельства сложились так, что сгорел дом, где жил он прежде. Абеляр решил воспользоваться случаем. Он знал,

что в доме Фульбера пустует несколько комнат, и предложил канонику: пусть сдаст ему одну из комнат, а взамен Абеляр станет заниматься с Элоизой иностранными языками и философией. Предложение показалось Фульберу и лестным, и выгодным.

Элоиза пришла в восторг. Как многие парижские дамы, она втайне вздыхала по Абеляру, а тут вдруг оказаться с ним в одном доме... Весьма соблазнительные мысли реяли в ее голове: прогулки по саду в сумерки, пожатия рук, молчание и вздохи, может быть, поцелуй, сорванный украдкой с красивых, твердых, насмешливых губ, на которые она с таким восторгом взирала, когда Абеляр произносил свои знаменитые речи...

Реальность превзошла самые смелые ее ожидания!

«Сначала, — признается затем Абеляр в автобиографии «История моих бедствий», — нас соединила совместная жизнь в одном доме, а затем и общее чувство. Уединившись под предлогом занятий, мы целиком отдавались любви. Книжки лежали раскрытыми на столе, и над ними чаще звучали любовные признания, нежели ученые разговоры, больше было поцелуев, чем мудрых изречений; руки чаще блуждали по груди, чем по страницам учебника, а глаза охотнее отражали любовь, чем следили за написанным... Охваченные страстью, мы не упустили ни одной из любовных ласк с добавлением и всего того необычного, что могла придумать любовь. Случалось, учитель даже бивал свою ученицу, но и эти уда-

ры в скором времени превратились в удовольствие и были приятнее любого бальзама. Так мы прошли через все фазы любви».

Утонченный схоластик вдруг убедился, что живая жизнь прекраснее и привлекательнее изысканных теоретических постулатов. Все ушло на второй план: преподавание в школе, занятия науками, работа над учеными трактатами. Теперь он сочинял не теогемы, а стихи, посвящая их Элоизе. А вскоре обнаружил в себе музыкальный талант (ах, не зря говорят, будто любовь – наилучший учитель!) и принялся слагать мелодии к собственным же стихам, и они превращались в песни.

«А кроме научных способностей, обладаешь ты еще двумя дарами, которые способны покорить любое сердце, – писала много лет спустя Элоиза. – Я говорю о твоём умении слагать стихи и песни, что редко встречается среди философов. Для тебя это всего лишь развлечение, отдых после философских занятий, но, отдыхая так, ты уже оставил после себя множество любовных стихов и песен, которые полюбились многим за их красоту и благодаря которым имя твоё не сходит с уст всех, кто умеет читать. А музыка твоих песен понятна даже неграмотным, и благодаря им многие женщины вздыхали от любви по тебе. А поскольку большинство песен повествуют о нашей с тобой любви, то они прославили на весь мир и меня, и многие женщины сгорали от зависти ко мне».

Да, в стихах на все лады повторялось ее имя... Так тайное стало явным, и слухи об этой баснословной любви поползли по Парижу.

Только Фульбер еще оставался в неведении. Наконец и он постиг истину, когда застал любовников врасплох, на месте преступления, то есть в постели.

Абеляр был изгнан из дома. Впрочем, без шума. Слухи затихли... но ненадолго! Ведь неосторожная связь не осталась без последствий, самых, впрочем, естественных. Элоиза оказалась беременной. И вот однажды ночью, когда Фульбер отсутствовал, Абеляр пробрался в комнату Элоизы, заставил ее нарядиться в мужской костюм и отвез в таком виде к своей сестре в Бретань. Там она и родила сына, которого называли Астролябием... Странное имя, понять, почему оно было дано, невозможно. В Бретани младенец и остался – ради сохранения тайны.

Поездка проходила не столь просто и легко. Сам Абеляр, под конец жизни проникшийся печальным отвращением к своему любовному прошлому, так вспоминал о ней в одном из писем к Элоизе:

«Нужно ли мне вспоминать еще все мерзости, которые творили мы прежде нашего брака и как я обманывал твоего дядю, когда жил с ним под одной крышей? Кто осудит твоего дядю, предавшего меня, если мое предательство было намного бесстыднее? А разве кратковременная боль от нанесенной мне раны искупает все совершенные мною бес-

чинства? Так разве не по милости Божьей я отделался всего лишь увечьем? Ведь никакое увечье не может служить достаточным возмещением хотя бы за бесстыдство, совершенное пред очами Божьей Матери? Если я не пребываю в заблуждении, то искуплением за мои грехи может служить не та рана, но скорее скорби, что терплю я сейчас день за днем.

Помнишь ты также, когда ты была беременна и я отвез тебя в родную деревню. Чтобы скрыть, кто ты на самом деле, мы переодели тебя монахиней – великое кощунство над призванием, которому мы сами теперь последовали. Рассуди же, насколько заслужили мы это наказание от Бога (а вернее – милость Божью), приняв духовный сан, над которым потешались. То, над чем смеялись мы, чем скрывали свой позор, стало теперь жизнью нашей. Пусть же оно будет напоминанием за ложь, в которой мы жили, и послужит к нашему раскаянию и исправлению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.